

Мишель Альба

Numero

...ante a Isabel con
...quiere decir.
...de manos, mis contemporaneos

Мишель Альба

NUMERO

«Э.РА»

2010

Альба М.

NUMERO / М. Альба — «Э.РА», 2010

ISBN 978-965-91416-4-7

Летисия – художница-реставратор. И в страшном сне ей не могло присниться, к чему может привести чтение безобидной, на первый взгляд, брошюры „Тайна чисел“, взятой в долгий полет из Сан-Франциско в Мадрид...

ISBN 978-965-91416-4-7

© Альба М., 2010

© Э.РА, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мишель Альба

NUMERO

Выражаю благодарность моим издателям, художнице и редактору, профессионально и качественно подготовившим книгу к печати и выпустившим ее в свет.

Мишель Альба

Пролог

Лайнер набирал высоту.

Монотонный гул устраивающихся на ночь пассажиров утешал, отвлекая от назойливо зудящей мысли о тысячах километров под днищем „Боинга“.

Летисия порылась в сумке. Неужели забыла? Рука ткнулась в коробочку. Нет, не то.

Как правило, она за неделю до поездки продумывала и составляла список вещей, необходимых ей и в дороге, и для работы. Но на этот раз на сборы остался ровно один день, сегодняшний, и заниматься сочинительством времени не нашлось.

Она вытряхнула содержимое сумки на колени. Все, что смахнула в нее со столика в спальне перед выходом. Маленькие, но нужные мелочи – салфетки, гель для рук, косметичка, зеркальце, зажигалка... А, вот и она – упаковка снотворного, купленная утром в ближайшей к дому аптеке.

Летисия запаслась ею так, на всякий случай. Она старательно избегала пользоваться услугами воздушного транспорта. И особенно на дальние расстояния. Боязнь пикантных неожиданностей на сумасшедшей высоте диктовала поискать более приемлемые способы передвижения. Тоже не исключая волнений, но, в любом случае, не будоражащих воображение.

О приглашении из Испании она даже и не мечтала. То есть, мечтала. Но чисто умозрительно. А когда его получила, на радость не хватило сил. Ликовала молча. До конца не веря, что это случилось.

Корни генеалогического древа их семьи произросли именно оттуда, из Мадрида, о чем сообщал портрет времен Средневековья пра какой-то там бабушки Летисии.

А вернуться к корням всегда полезно. Тем более, когда есть с чем – ее профессионализм реставратора оценили и за океаном.

И, так как „Боинг“ был предпочтительнее всех остальных транспортных средств (Сан-Франциско и Мадрид это не соседние улицы), не воспользоваться им было бы неразумно в свете срочности предстоящей работы, а таблетка снотворного помогла бы забыть о ее предпочтении.

Летисия приспустила спинку кресла и без особого интереса пролистала тоненькую брошюрку, торопливо всунутую ей в последние минуты перед регистрацией Патриком. Взглянув еще раз на титульный лист, усмехнулась:

Тайна чисел

Ну, действительно, не учебником же по квантовой физике развлекаться на десятикилометровой высоте.

Автор брошюры, вероятно, с целью не отпустить за просто так читателя поманил и кратким, но интригующим вступлением:

Число судьбы определяется через нумерологический анализ всех букв вашего полного имени...

“Оч-чень интересно. А если у меня их восемь? Полных имен. Что тогда? А... тогда до конца полета мне есть чем заняться. И таблетку не надо было принимать“, – Летисия, вновь нырнув в глубины сумки, выудила из нее ежедневник и ручку.

Итак...

Старушка-соседка, посетовав на ухудшающееся зрение, поправила для верности очки, подслеповато щурясь на вдруг опустевшее кресло, где мгновение назад суетилась весьма симпатичная, но довольно беспокойная особа, что-то постоянно ищущая в своей бездонной ручной клади.

О факте ее присутствия напоминали лишь потеряно уткнувшиеся друг в друга в углублении сиденья серенькая книжица и, пестревший на раскрытой страничке женскими именами, ежедневник.

Под каждым из имен выстроился ряд цифр.

Часть первая Провал

Глава 1

– Она спит.

– Не-а. Не видишь? Она не дышит.

– Жалко. Красивая. Пошли отсюда. Боюсь мертвых.

– Да чего их бояться? Помнишь ту ведьмачку, что сожгли третьего дня? Так я там был. Ночью. И даже потрогал ее кости. Такие комочки. Знаешь, как от догоревшей свечки, которые маманька собирает. Вот так вот.

– Да ну? Не жутко было?

– Совсем нет. Наоборот..., – молчание, – ... н-ну, жутковато, но только поначалу. Смотри, маманьке не проболтайся, а то...

– А чего меня-то не взял? И не сказал даже.

– Сначала сопли подотри.

Веки будто склеились. Пришлось довольствоваться только тем, что слышала. А слышала я нечто весьма странное.

Голоса детские. Один с превосходством. Другой удивленно-почтительный.

В спину впивалось что-то острое. Саднило правый локоть. О ногах почему-то не имела ровным счетом никакого представления.

Нашупав под ноющим боком булыжник, попыталась его сковырнуть.

– А-а-а...!

– Ты чего?

– Она шевелится. Чтоб мне провалиться, шевелится.

– Чего придумываешь? – в голосе превосходства явно поубавилось.

– Ты как хочешь, а я... Вот, смотри, опять.

Наконец, ресницы разлепились. В двух шагах от меня на корточках сидели двое мальчишек. Один из них, смуглый, с огромными, скорее от испуга, глазами, вцепился в длинную палку, которой, видимо, собирался воспользоваться для проверки своих предположений о моем статусе – я еще „здесь“ или уже „там“?

И он уже вознамерился было ею потыкать в меня, когда я неожиданно заявила о себе как о живой (иное мироощущение мне пока, слава Богу, было не ведомо).

Тот, что без палки, худенький, если не сказать больше, с болтающимися как на огородном пугале широкими, явно не его размера, штанами, и в рубашке-балахоне без пуговиц, резво вскочил, и, отбежав подальше, просительно заканючил:

– Марио, пойдём, а? Ну, пойдём. Пусть себе лежит.

Судя по вдруг забежавшему от брата ко мне и в обратном порядке взгляду, Марио раздирали сомнения относительно выдвинутой им самим же альтернативы – быть или не быть верным взятой на себя роли смельчака. Чувство самоутверждения явно пересилило, и он-таки ткнул в меня палкой, после чего стремительно отскочил на безопасное расстояние, наготове дать деру сию же секунду.

Тут я уже не выдержала:

– Больно.

Мальчишки замерли, и... тут же их как ветром сдуло.

Где это я? Какой-то проулок. Очень узкий и очень темный. Тяжелые стены домов по обе стороны от меня, сужаясь, вращались далеко вверху в голубой лоскуток неба.

Изучая этот лоскуток, пыталась сообразить, почему я здесь?

Лежать было все неудобней. Острие камня с таким же усердием впивалось теперь уже в другую точку на спине. Еле-еле приподнявшись, кое-как довезла тело до стены дома и, подтянувшись до полусидя, осмотрелась.

Проулок выходил на выложенную все тем же булыжником улицу, по обратную сторону которой нависало угрюмое серое здание с окнами-щелочками, запечатанными темными ставнями.

Знакомство с окрестностями не омрачилось чьим-либо присутствием, если не считать вдруг выпрыгнувшей из мусорной кучи рыже-черной кошки, с подозрением на меня уставившейся. Убедившись в моей лояльности, а, следовательно, в своей безопасности, она отказалась тратить на меня время попусту, лениво отправившись дальше по своим делам.

Сквозившая холодом мостовая, сокрытая от солнца, значительно проигрывала в соревновании с морским пляжем, а грубо выложенная стена менее всего походила на удобную спинку шезлонга, что заставило меня попробовать сменить положение с сидя на стоя. Но, цепляясь за выступы шершавых камней, я смогла преодолеть всего лишь несколько дюймов, тут же вернувшись в исходную позицию – трясущиеся от слабости ноги не оправдали ожиданий.

Глазами поискала хоть что-то, на что можно было бы опереться. И нашла. Из-за выступа в стене выглядывало нечто, к чему я, уговаривая себя, что “и это пройдет“, пересидками-перебежками добралась в конце концов. И, дотянувшись, ухватила край... дорожной белой сумки с застежкой-бантиком, нехотя заскользившей ко мне.

Это моя вещь?

Глава 2

– Она была здесь, – растерянный голос Марио, утративший прежние снисходительность и браваду, – нет, правда. Хуанито не даст соврать. Мы вместе ее нашли.

Он определенно заискивал перед кем-то.

Вместительное углубление за тем самым выступом, служившему мусоросборником для жителей дома, почти скрыло меня.

– Ну, и где же она? Смотрите мне, если соврали, бездельники.

Женский голос. Раздраженные интонации которого неприкрыто намекали на недовольство. И очень намекали – то ли женщину оторвали от более важного занятия, чем знакомство со мной, то ли она не очень доверяла фантазиям мальчишек.

Тяжелые шаги затопали совсем рядом. Я вжалась в стену, почему-то пожалев о невозможности, в силу брезгливости, зарыться в холмик не только сегодняшних, судя по запаху, отходов.

Две пары глаз, Марио и крупной, лет сорока матроны, разодетой до смешного странно – рубашка со съёмными рукавами, длинная до пят юбка, с заложенными крупными складками – уставились на меня. На голове у женщины восседало нечто подушкообразное. „Оригинальный фасон берета. Это что, из серии „все свое ношу с собой“?“, – мне было не до смеха, но ее костюм меня, действительно, взбодрил.

Они настороженно меня разглядывали, от чего я поняла, наконец, о чем думал зверек в клетке, окруженной любопытными. Удовлетворенная осмотром, убедившим женщину, что я вполне соответствую ее представлениям о живой материи, она, подбоченясь, произнесла:

– Ты кто такая?

Вполне резонный вопрос. Я сама задавалась им с момента пробуждения. Ответ пока, к моему глубокому сожалению, не нашелся.

Поскольку меня продолжало не устраивать положение сидя, но сейчас уже по другой причине – задирая голову, я чувствовала себя несколько беззащитной перед возвышающейся напротив воинственно настроенной особой – я в очередной раз уговорила себя подняться.

Но попытка восстановить равноправие с треском провалилась, и, если бы не поддержка проявившей вдруг милосердие женщины, я бы упала, чего мне не хотелось бы.

Без церемоний прислонив меня к стене, она отступила на шаг и, снова придирчиво осмотрев, возобновила допрос с уже более агрессивными интонациями:

– А это еще что такое? Ты почему в штанах? Прячешься что ли от кого? Или...

Что ей еще пришло в голову, я узнала чуть позже.

Опустив глаза на джинсы приятного светло-голубого цвета с легкой потертостью и кокетливой прорезью на коленке, пришла к выводу, что у меня отменный вкус. Да и кроссовки как будто ничего. Видно, новые.

С каких это пор джинсы служат прикрытием для прячущихся? Любопытная точка зрения. А, главное – свежая, не забытая обыденными мнениями о преимуществах данного вида одежды над классическими формами.

– Ну, чего молчишь? Или языка нету? Откуда ты?

Напористость бесцеремонной матроны меня не то, чтобы смутила, но привела в замешательство. Я, как ни странно, действительно, не находила ответы на ее вопросы, поскольку сама терялась в догадках, кто я и откуда.

– Я... не помню.

– Это как это? Как тебя зовут-то?

Опять вопрос к месту. Неплохо было бы и это узнать. Хотя бы чисто информативно.

– Я же говорю. Не помню.

На всякий случай, еще раз порылась в памяти. Пусто. Пока я отнеслась к этому факту довольно спокойно. Видимо, ударила головой при падении (затылок побаливал), и для восстановления выскочивших знаний требовалось время.

– Придуриваешься, что ли? Ну, тогда и сиди тут. Марио...

– Да нет же, – мне не хотелось остаться здесь снова одной. Непонятно где и в состоянии не стояния, – я в порядке. Сейчас..., минуточку..., подождите...

Повторное обращение к памяти не дало положительного результата. Она представляла на данный момент чистый во всех отношениях лист бумаги. Не замаранный, так сказать, данными о моей личности, включая имя.

Подобное открытие восприняла пока все еще как временное явление, что с минуты на минуту обернется шуткой – ах, ваше имя? Да, пожалуйста. Адрес? Тоже не проблема. Извините за временный сбой. С каждым может случиться.

Женщина оглянулась и уже с большим интересом задала очередной вопрос:

– У тебя что, падучая, что ты ничего не помнишь?

– Да... н-н-ет. Это вы об эпилепсии?

Она наморщила лоб, что-то обдумывая, и грустно покачала головой, придя к навязанному ей решению:

– Пойдем. Дам тебе поесть. Отдохнешь. Может, что и вспомнишь. Марио, чего стоишь столбом, помоги с той стороны. Придется идти закоулками, хлопот потом не оберешься из-за ее штанов.

Я заковыляла, придерживаемая с двух сторон неожиданными помощниками, крепко прижимая к себе белую сумку.

Мне казалось, что именно в ней я найду память.

Глава 3

Я вертела головой в разные стороны, пытаюсь все-таки понять, где я. Вопрос – как я здесь оказалась? – уступал первому. Если бы узнала это место, вспомнила бы, наверное, каким ветром меня сюда занесло.

Но ничто не навело хотя бы на отдаленное угадывание этих улиц, мощеных серым грубым булыжником, этих средневековых мрачно-строгих домов, хмуро выстроившихся укором пронзительно голубому небу со стайками воздушных облаков, этой часовни с витиевато узорчатыми воротами.

Редкие прохожие, замедляя темп, откровенно глазели на нашу процессию. Моя спасительница, сердито на них поглядывая, напротив, ускоряла шаг, заставляя и меня с моим синкопированным ритмом приспосабливаться к нему.

Я не менее была заинтригована массовым увлечением здешних жителей маскарадными костюмами, оглядываясь каждый раз на очередной замысловатый фасон.

Наконец, мы свернули вправо от площади и чуть ли не бегом двинулись по узкой улочке, стремительно спускающейся вниз. По обе ее стороны жались почти вплотную друг к другу двухэтажные постройки, значительно менее монументальные, чем те, что встретились нам по дороге, но так же сурово-недоступные и с закрытыми ставнями.

– Ну, вот мы и дома, – женщина, придерживая меня за локоть, толкнула тяжелую задубевшую дверь и, дождавшись, пока мы с Марио войдем, поспешно захлопнула ее за нами.

Просторное полутемное помещение не баловало взгляд роскошью – громоздкий стол на „слоновых ногах“ и вокруг него такие же неподъемные кресла с высокими жесткими спинками. Вдоль стены на века замер громадный посудный шкаф.

– Снимай-ка свою бесовскую одежду, переоденешься в рубашку и юбку моей дочери. А ты, – обратилась она к Марио, – чтоб не открывал рта. Кто его знает, кого мы привели в дом. Пойди-ка, принеси молоко и хлеб.

Оставшись одна, я в задумчивости опустила в кресло. Что-то здесь не так. Странная, если не сказать больше, одежда здешнего населения. Как будто знакомый мне язык – испанский, с примесью кастильского наречия, но насыщенный давно вышедшими из употребления речевыми оборотами, которыми, как выясняется, свободно владею и я. Ни одного автомобиля или хоть какого-то вида общественного транспорта на улицах. Отсутствие бутиков. И, вообще, весь антураж напоминал декорации к фильму на доисторическую тему.

– Ты чего расселась? Я же сказала, снимай все. На вот, переодевайся, – женщина вернулась, сердито бросив на соседний стул небрежно скомканную одежду, – и быстро.

– Как ваше имя? – решила я задать ей вопрос.

– Тебе-то зачем? Ну, Марселина. А ты-то вспомнила свое?

– ... м-м-м... нет, – мне вдруг стало ужасно неловко. Будто я намеренно скрывала то, что касается меня.

– Врешь, небось. Ну, да Бог с тобой. Будешь тогда... э-э-э... Лаурой. А что? Неплохо. Лау-у-ура, – нараспев произнесла она и довольно улыбнулась, от чего у глаз лучиками разбежались морщинки, придав лицу добродушносмешливое выражение.

– Почему я должна переодеться? Мне удобно в моей одежде, – посмела я возразить, воспользовавшись этим ее выражением.

– Будешь спорить, вернешься туда, откуда пришла, – Марселина вновь посуровела, – имя свое не помнишь, из каких ты мест тоже не помнишь, обрядилась мужчиной. Скажи спасибо, что это мои мальчишки нашли тебя. А не то сидеть бы сейчас тебе в подвалах монастыря и ждать суда Святой Инквизиции.

– Суда... кого? – я остолбенела. Скорее всего, ослышалась.

Марселина перестала греметь посудой. Обернувшись, она грозно набычилась:

– Если ты не прекратишь придуриваться, я выкину тебя отсюда. Мне еще еретички здесь не хватало, – она раздраженно вытерла руки о подол юбки, но, видимо, решив пока попридержать свое намерение, проговорила, – и пойдй умойся. Срам на тебя смотреть. Мало вас кострами учат. Марио! Отведи-ка ее к зеркалу.

Вмиг объявившийся сын Марселины знаком поманил меня.

Соседняя комната, более светлая, благодаря открытым ставням, окнами выходила во двор дома.

Здесь спланировали спальню – широкая, аккуратно застеленная кровать с горкой подушек, массивный, с прожилками темного дерева, комод, несколько стульев, расставленных по углам. Но королевой комнаты, без сомнения, было огромное овальное зеркало. Вставленное в тяжелую раму со множеством застывших вычурных завитушек, вырезанных, определенно, деревщиком-трудоголиком, оно горделиво встречало входящего его отражением.

В данном случае, тем отражением, что несмело приближалось ко мне – совершенно незнакомой особы со смазанной косметикой на лице. Что, впрочем, абсолютно не портило ее миловидное личико с потерявшими покой серыми глазами, утонченно прямым носиком, правда, не совсем без изъяна – чуть длинноватым кончиком, и мягко очерченными губами.

Но какой бы привлекательной она ни была, мне до нее не было никакого дела.

Глава 4

Марио вполне адекватно отреагировал на последовательность обурявших меня эмоций, за доли секунды сменивших одна другую с такой интенсивностью, что система единиц физических величин рисковала дополниться еще одной – непонимание, недоверие, удивление, отчаяние...

Мальчишка снисходительно усмехнулся, задумчиво нахмурился и, наконец, испуганно растерялся, пытаясь сообразить, зачем я, размазывая слезы по лицу, остервенело тру незнакомку в Зазеркалье. Вряд ли ему пришло в голову, что искала я там себя. Пусть даже и похуже, чем эта. Но себя.

Он попятился, споткнувшись о порог, и пулей вылетел с воплями:

– Мам, иди сюда..., скорей...

Я же рыдала, вдруг поверив, что у меня нет ничего моего. Даже я сама была не я, а некто, пусть и с симпатичной мордашкой.

Что же случилось? Кому понадобилось так разыграть меня? Куда исчезла моя память? Но, самое главное, я не знала, что мне теперь со всем этим делать?

Марселина шумно вбежала в комнату, на ходу приговаривая:

– Это все моя доброта, чтоб ей пусто было. Ну, чего ты тут рассусолилась? Ребенка напугала. Зеркала что ли никогда не видела?

Она схватила было меня за руку, но почему-то замешкалась, переводя взгляд с „подделки“ на всхлипывающий оригинал, потерянно изучающий ненавистное отражение.

Будто что-то поняв, Марселина неожиданно прижала меня к груди и, покачивая, успокаивающе прошептала:

– Ну, не надо, не надо. Слезам ничего не изменишь. Знаешь, сколько я слез пролила? И что? Все, как было, так и есть. Мужа не вернула, – она вздохнула, – для всех день Святой Агеды это праздник, а для меня..., – она всхлипнула, – ... горе, *Dios me perdona!*... Он умер в этот день... Пойдем-ка, лучше расскажешь мне хоть что-нибудь о себе.

– Да не знаю я ничего о себе, – я оттолкнула ее, – как вы не поймете? Ничего. Даже эту, – я махнула в сторону зеркала, где мой двойник так же безнадежно отмахнулся от меня.

Слезы душили.

Что со мной? Что мне теперь делать? Как я попаду домой, если не помню, а, есть ли он у меня?

– Ну, хватит реветь, – вдруг прикрикнула на меня Марселина, видя, что уговоры не действуют, – устроила мне тут потоп. Пойдем, говорю. Чумазую за стол не пущу.

Она, исключая протест с моей стороны, подхватила меня под руку и, развернувшись, решительно выволокла из спальни со злополучным зеркалом.

Ополоснув лицо, я, под давлением Марселины, заставила себя глотнуть молока, вяло отщипнув кусочек теплого, только из печки, хлеба.

Женщина все это время, пока я безответно допрашивала саму себя, пыталась, видимо, уболтать меня с целью отвлечения от моих „маленьких“ неприятностей, рассказывая, как ей трудно управляться одной с ее пацанами.

– А что ты думаешь, и постирай, и приготовь, и уследи за ними. Слава Богу, дочь помогает. А вот вчера...

Я молча ее слушала, больше занятая переполохом, воцарившимся в моей голове, пока она вдруг не задала мне вопрос, неожиданно перескочив с ее серых будней на изменившее их ритм событие сегодняшнего дня.

¹ Прости меня, Господи (исп.)

– А что это у тебя за вещичка такая чудная? – она кивнула в сторону сумки.

Господи! Как же я забыла! Хотя „забыть“ стало, кажется, весьма привычным для меня состоянием.

Охнув, вскочила, задев недрогнувшую ножку стула, и бросилась к „чудной вещичке“, затаившейся там, где ее и оставили – на небольшой тумбе у окна.

Еле разобравшись с замочком (от волнения руки тряслись, отдирая „бантик“ от кнопки), я заглянула во внутрь. Но... все, что там нашлось, опять-таки не напомнило мне ни о чем. Ну, хорошо. А документы? Должны же быть какие-то документы, рассказывающие что-то обо мне?

Порылась во внутреннем кармашке. Да, есть.

Торопясь, извлекла на Божий свет листочек с текстом на... незнакомом языке.

Подкатила тошнота. Я, что, и свой родной язык забыла? А, может эта сумка вовсе и не моя?

Глаза остановились на цифрах: 21.02.2008

Что такое произошло двадцать первого февраля две тысячи восьмого года, что это событие было зафиксировано на этой ничем не примечательной бумажке? Значит, это не просто бумажка. А, что?

Я снова пробежала глазами по лесенке слов, выхватив имя – Letisia – и ничего не говорящую мне фамилию. Ниже – San Francisco и Madrid. Какое отношение ко мне имеют эти два города? Или я имею к ним?

Затеребила еще один документ. Похоже, удостоверяющий... мою личность, судя по фотографии. Нет, не мою. Той, в зеркале.

То же имя. Ну, что же. В зеркале не в зеркале, хоть понятно, как меня называть. И, если мне приблизительно тридцать лет (исходя из сведений, предоставленных отражением), то родилась я где-то в тысяча девятьсот... восьмидесятых годах.

Но все, в чем я сейчас варилась, никак не напоминало двадцатый век.

Что-то здесь не так.

– Какое сегодня число? – я повернулась к Марселине, все это время молча наблюдавшей за мной.

– Число? – она непонимающе уставилась на меня.

– Да, число. Что вы так на меня смотрите? Число, месяц. Зима, лето. Ну, же, Марселина.

– А-а, одиннадцатый день августа, – ответила она, наморщив лоб, будто подсчитывая.

– А... год? Год какой? – смутные сомнения зароились в голове.

– Ну-у... двадцать девятый год правления нашего короля Филиппа, – Марселина уже не хмурилась. В ее глазах ответом на мое позеленевшее лицо задрожал страх.

Это было последнее, что я увидела, перед тем, как потерять уже не память (здесь терять было нечего), а дар речи, и кулем осесть на заготовленную, может, именно на этот случай, низенькую скамеечку рядом с тумбой.

Глава 5

Марселина хлопотала возле меня, сокрушенно приговаривая:

– Да что же это такое?... вот наказание на мою голову..., ну-ка, не крутитесь тут..., Хуанито, принеси воды...

Расстаться с онемением я ни за что не соглашалась. Это означало бы возвращение в абсурд. Напротив, я еще крепче сжала губы, протестуя против пребывания и в этом доме, и среди этих людей, и... в непонятном мне времени во главе с загадочным Филиппом.

А, может, это все-таки шутка? Или меня, вдруг, невзначай, убедили сниматься в триллере, где в соответствии с сюжетом главная героиня перепрыгивает из ее реальности в мир фэнтези, впадая от такого, прямо скажем, неординарного события в истерическое состояние, а перед этим накачали чем-то, чтобы была правдоподобней?

Слабая надежда шевельнулась в воспаленном от событий мозгу.

Ну, конечно же! И при этом я попутно забыла и название фильма, и его создателей, хотя на фоне всех остальных „позабываний“ это такая мелочь, что я не почувствовала угрызений совести по данному поводу.

Значит, надо немедленно разжать губы и заявить о себе как о разгадавшей чей-то коварный план относительно моей карьеры в кинематографе.

Я задержала руку Марселины, протиравшей мне лоб влажной тряпкой:

– Я все поняла. Передайте, пожалуйста, вашему руководству, или кто там у вас, что я подам на вас в суд. Немедленно покажите мне выход из вашего гадюшника.

Марселина резко отдернула руку.

– Что-о? Какой суд? Это твоя благодарность мне? А-а, тебя подослали ко мне эти... в сутанах. Как же я не догадалась? Вот, дуреха-то!

Она закружила по комнате:

– Так ты просто-напросто вынюхиваешь ересь! Хороша я, нечего сказать. Привела в дом непонятно кого.

Она рванулась к моей сумке, схватила ее и швырнула в меня:

– Забирай свое добро и убирайся, паскудница!

Сумка шлепнулась на пол, и из нее высыпалась масса каких-то мелочей, среди которых и маленький плеер с мощными наушниками, откуда вдруг явился нашему с Марселиной слуху необыкновенно красивый голос Бэрри Гибба, оповестившего нас о его нежелании (не по теме нашей бурной разборки) сказать „до свиданья“.

Вероятно, удар пришелся по панели кнопочек, одна из которых немедленно отреагировала.

Несмотря на то, что я не поняла ни слова из того, о чем сообщил нам поп-звезда, я ПОМНИЛА его имя, и, более того, сюжет разрывающей душу песни. Может, это и есть мой родной язык?

Открытие утвердило в мысли, что все, во что я втянута, не более как стремление кого-то сотворить из меня кино-диву. И, скорее всего, я сопротивлялась желанию неизвестного (пока) продюсера стать великой актрисой. Иначе, как объяснить все это?

Марселина, выпучив глаза, замерла с вздытыми вверх руками. Что происходило у нее в это время в голове, можно было только догадываться. Но по мертвенно побелевшему лицу не составило труда предположить, что процесс переработки информации усложнялся с каждой секундой.

Она поняла, что их коварный план раскрыт.

Я встала, гордо одернула блузку и, подняв плеер, демонстративно прервала звуковой фон.

Марселина дернулась и, попятившись, судорожно закрестилась, выпаливая молитву. И по ее содержанию я поняла, что она таким образом пытается защитить себя от нечистого, подружкой которого, без сомнения, являлась я. Занимательный поворот сюжета.

Это меня окончательно взбесило:

– Хватит притворяться. Я обо всем догадалась. Из вас такая же актриса, как из меня...

Папа Римский.

Реакция несчастной женщины была совершенно непредсказуемой. Она вдруг бухнулась на колени и слезливо запричитала:

– Что хочешь отдам! Только детей не трогай! Что ты хочешь? Говори!

Я устало опустила на стул:

– Домой я хочу, домой. Отпустите меня, а? Это я вам отдам, что хотите, только отпустите.

Сцена не разнообразилась выходом кающейся съемочной группы во главе с зачинщиком мероприятия, из чего я заключила, что насилие надо мной продолжается, найдя подтверждение своим предположениям и в реакции Марселины на мою просьбу.

Она не медля подскочила и, широко распахнув дверь, выкрикнула:

– Иди!

Вслед мне полетела одежда ее дочери:

– И это забери! Пригодится!

И она оказалась права.

„Подаренные“ Марселиной юбка и блузка, действительно,годились.

Глава 6

Пустынная и одинокая улочка равнодушного ко мне средневекового города привела меня в замешательство.

Прижав к груди сумку и скомканную одежду, я потерянно искала хоть кого-нибудь, кто подскажет, где находится выход со сценической площадки, на которой я оказалась по какой-то трагической случайности.

„Странно. Где народ-то?“, – я беспомощно оглядывалась. И, как ответ на вопрос, сбоку, на выезде, показалась телега, груженная бочками.

Наконец-то. Я поспешила к ней:

– Остановитесь, пожалуйста. Да, стойте же. Я хочу у вас что-то спросить.

Возница, молодой парень в маленькой четырехугольной шапочке на голове с отогнутыми вниз полями, что меня уже не очень удивило (фильм же снимают, чего ж тут странного), натянул вожжи, резко затормозив.

– Эй, куда тебя несет, болван? Вина перебрал с утра? Убирайся! А не то...

На этом его ругательная речь внезапно прервалась, и он, привставший для усмирения лошадей, растерянно опустил обратно на скамеечку, увлеченный созерцанием меня, перебегая взглядом с лица на грудь и еще ниже, и снова возвращаясь к лицу. Что позволило без помех сократить расстояние до его телеги.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо начала я, хотя внутри все кипело от злости.

Как они (кто это „они“ мне еще предстояло выяснить) посмели вмешаться в... меня? Накачать черт его знает чем до такой степени, что я забыла... себя? И ради чего? Какого-то дешевого फिल्меца, судя по натурным съемкам и отсутствию массовки?

– Как мне найти съемочную группу? Ну... оператора, режиссера, кто там у вас еще?

Парень безучастно к вопросам осматривал меня и вдруг, дернувшись, взмахнул хлыстом:

– Ну-ка, отошла. Быстро! – и, огрев ни в чем не повинных лошадей, умчался, тархтя бочками и оглядываясь.

Я отскочила, недоумеваю. Что послужило причиной для его столь яростного протеста ответить на мой такой простой вопрос.

Скорее всего, все тут заодно.

Я устремила вверх по улице, придерживая одежду Марселины.

Вскоре навстречу стали попадаться спешащие по своим делам горожане, немедленно сторонившиеся меня при попытках приблизиться к ним все с тем же актуальным для меня вопросом.

Что их так настораживает? И, в конце концов, есть тут хоть один нормальный человек, кто сможет мне помочь?

Наконец, выйдя на площадь с той самой часовней, мимо которой мы проходили совсем недавно к дому Марселины, невольно залюбовалась архитектурной вязью из гирлянд и медальонов, украшающих входные двери готической постройки.

„Платереско, – подумала вдруг и тут же удивилась, – откуда я это знаю? Значит, я разбираюсь в архитектурных стилях? Интересная новость“.

Город явно был мне незнаком. Хотя это трудно было утверждать, учитывая причуды моей памяти. Вот будет фокус, если вдруг выяснится, что это не что иное, как мой родной город, а вот этот дом – мой дом.

Все более настораживала еще одна существенная деталь, отмеченная ранее. На всем протяжении пути я не встретила ничего, сколько-нибудь напоминающее о моем веке. Но я тут же отмахнулась от этого факта, решив, что киношники народ особый, и за ценой не постоят, очистив город от „скверны“ двадцать первого столетия для своих далеко идущих целей.

Наконец, мне удалось приостановить бегущую мимо дамочку, одетую, как и все здесь, весьма причудливо.

– Я прошу прощения, как мне пройти к месту съемок?

Кажется, вопрос был задан весьма корректно и вежливо, но у девушки странным образом округлились глаза, задержавшихся на моих джинсах.

Что их так нервирует? А, может, здесь работает скрытая камера, и появление меня в современной одежде в „не моем“ эпизоде приносит миллионные убытки киностудии? Тогда, все понятно.

– Я сейчас уйду. Только подскажите мне, пожалуйста, в какую сторону, чтобы не портить натуру? Мне нужен кто-то из организаторов этого проекта.

Девушка дернулась было уклониться от ответа, но я, уже наученная опытом, удержала ее за руку, пытаясь все-таки добиться нужной информации:

– Что происходит? Покажите мне только, куда идти.

– Что ты хочешь от меня? – ее ноздри раздувались от злости, – отпусти меня. Да отпусти!

Она вырвала руку и, отступив на шаг, процедила:

– С дьяволом связалась, вот у него и спрашивай, бесстыдница.

Мое терпение лопнуло. Мне уже было не до корректности.

– Да с каким дьяволом? Вы что, с ума тут все посходили? – забежав вперед, я перегородила ей дорогу, – или вы проводите меня к месту вашего сбора, или у Гаагского суда будет чем заняться на ближайший год.

Я не знаю, чем бы закончилась наша перепалка, если бы не похоронная процессия, покинувшая часовню.

Девушка мелко закрестилась, что-то приговаривая, а у меня потемнело в глазах.

В гробу лежал **НАСТОЯЩИЙ** покойник!

Глава 7

Мое состояние весьма близко напоминало состояние того, кто только что проплыл в свой последний путь.

Зазомбированная издевательским правдоподобием скончавшегося, я проследила за ритуальным эскортом, сопровождающим усопшего.

В голове загудел колокол.

Девушка бросила на меня взгляд исподлобья и, видимо, пожалев (что интересно выразило мое лицо на тот момент?), нерешительно спросила:

– Что ты ищешь?

Я оцепенела словно громом пораженная, нет, даже не пораженная, а уничтоженная.

– Кажется, уже ничего не ишу.

Осев на мостовую, я уткнулась в подаренные Марселиной тряпки и разрыдалась.

Девушка, поколебавшись, нерешительно приблизилась и, присев рядом, сочувственно проговорила:

– Я отведу тебя в госпиталь. Пойдем, – она несмело пригладила мои волосы, – здесь недалеко.

Так уговаривают маленького ребенка перестать капризничать. Осторожно потянув к себе юбку Марселины, спросила:

– Дай я посмотрю, что это у тебя здесь. Это твое? Пойдем-ка сначала ко мне, переоденешься. И кто это так посмеялся над тобой? Мало того, что в мужчину нарядили, так еще и на улицу выгнали. Негодяи! Хорошо хоть твое вернули.

Всхлипывая, я потерянно замотала головой:

– Нет, вы ошибаетесь. Так... какой сегодня год?

Девушка горестно вздохнула:

– Бедная ты, бедная. Вставай, пойдем, нельзя тебе оставаться в... этом.

– Бога ради, какой год? Или вы тоже забыли? – у меня, как ни странно, еще теплилась надежда на розыгрыш.

Но ее ответ только подтвердил сказанное раньше Марселиной.

Господи, какой Филипп?

Я пребывала словно во сне. Послушно поплелась за девушкой, безропотно подставляя ей руки, чтобы та сняла с меня блузку ("А это что за тряпка на груди? Зачем? Богохульники!"), без протеста согласилась сменить джинсы ("А повязка к чему здесь? ..") на широкую, в сборку юбку.

– Ну, вот, совсем другое дело, – заключила довольная осмотром Кончита (она мимоходом представилась мне), – только... обувь. Не приведи Господи. Откуда она у тебя? Да уж, ладно. Другой нет. А это, – она брезгливо указала на мою, брошенную на пол, одежду, – надо сжечь или закопать. Ну, как? Тебе лучше? Мне нужно в госпиталь, я помогаю сестрам монахиням. Пойдешь со мной. Там за тобой присмотрят.

– Подождите. А... что это за город? Где я? – во рту вдруг стало сухо.

– Мадрид, – Кончита снова нахмурилась.

Испания. Неплохо. Меня подташнивало.

– Филипп... Габсбург? – что не нужно, помню.

– Не знаю, какой „бург“. Филипп Красивый.

Бог мой! Шестнадцатый век! В голове моментально сработало – Эль Греко. При чем здесь это? Нет, нет, очень даже при чем. Двадцать девятый год правления... это... приблизительно... тысяча пятьсот... мама дорогая!... восемьдесят... пятый год.

Сердце ухнуло вниз.

Так не бывает! Просто не бывает, и все тут. Чья-то насмешка? Или... может, в той жизни я бьюсь над созданием машины времени и добилась, наконец?

Как бы то ни было – попала как кур в ощи́п. В самое сердце Святой Инквизиции. Теперь понятно, почему у всех вызывали отрицательно-испуганную реакцию мои джинсы. Каким-то образом меня угораздило перескочить во времена Филиппа Второго, прославившегося как раз тем, что он запланировал за время своего правления почистить страну от ереси и привести ее в „божеский“ вид. И мужская одежда (а джинсы в первоисточнике это ну, никак, не женская деталь туалета) свидетельствовала о моей причастности к ереси. Более того, к ее самой извращенной разновидности – колдовству.

Но как же это случилось? Абсурд! Сумасшествие какое-то!

– Нет, одежду я возьму с собой, – мне не хотелось расставаться с крохами моего мира не смотря ни на какие политические и религиозные установки Филиппа Второго, – дайте что-нибудь, я заверну ее.

Кончита не стала спорить, но по ее сердитому взгляду я поняла, что она недовольна моим решением. Еще бы!

Я же руководствовалась лишь робкой надеждой на возвращение.

Домой.

Глава 8

Не успели мы пройти до конца улочки, как мимо нас промчался тот самый парень в смешной шапочке, но уже с телегой без бочек. Их место перехватили двое мужчин в черных сутанах с идеально выбритой тонзурой. А поскольку мостовую замостили далеко не столь идеально ровным асфальтом с подогревом, а всего лишь крупным булыжником, эта поездка явно не доставляла им удовольствия, о чем говорили их напряженные позы с вцепившимися в перекладины пальцами.

Кончита хмуро проводила их взглядом и, что-то буркнув, оглянулась на меня:

– Не отставай.

Мы двинулись в том же направлении, что и лихой наездник, но едва завернули за угол, как поймали счастье вновь встретиться с ним.

Он что-то рассказывал своим попутчикам, активно жестикулируя при этом. Владельцы тонзур согласно кивали головами, но один из них вдруг вплотную приблизился к „докладчику“ и что-то прошепел ему на ухо, от чего тот отшатнулся от него и, перекрестившись, принялся оправдываться, судя опять-таки по жестикуляции, но уже несколько вялой.

Кончита подтолкнула меня и прибавила шаг. Но ее поспешность только привлекла их внимание.

– Да вот же она! Стойте!

Я оглянулась. Парень показывал на нас, а, точнее, на меня. Его длинный, вытянутый в мою сторону палец, являл собой в ту минуту точный „комментарий в картинках“ выражению „указующий перст“.

Правда, я, как деталь этой картинки, не совсем понимала, с чего бы это он ко мне привязался. Ведь „бесовской“ одежды на мне уже не было.

Его собеседники осматривали меня без особого интереса, и, все бы ничего, если бы парень не проявил излишнего любопытства к кроссовкам, предательски выглядывавшим из под коротковатой юбки дочки Марселины.

– Смотрите! Я же говорил! Проверьте, что у нее в руках. Мужская одежда, вот что! Это точно она! Еретичка!

Я стояла как вкопанная, не представляя, что предпринять в данной ситуации.

Но Кончита, вдруг заслонив меня, гаркнула на него:

– Ты что тут разорался? Какая еретичка? Ее Господь обидел, не дав ума. Кто-то поиздевался и вышвырнул ее, и ты сразу еретичка?

Во время этой дискуссии „сутанщики“ неспешно двинулись ко мне. Причем, один из них, перебирая четки в руках, уж очень алчно рассматривал висевшую на моем плече сумку.

Решив не дожидаться окончания этой весьма экзотической сценки, я, так же неспешно, в такт шагам пожелавшим со мной пообщаться монахам, развернулась в обратном им направлении, в проулочек между домами, намереваясь безотлагательно избежать с ними беседы.

Но не тут-то было.

– Сестра, тебе нечего бояться, – услышала я за спиной, – позволь задать тебе только один вопрос.

Я замешкалась, усыпленная доброжелательным тоном моего собеседника, но в ту же секунду меня отрезвил пронзительный крик Кончиты:

– Оставьте ее! Ради всех святых, она же как дитя!

Меня будто пришпорили, и, не разбирая дороги и подобрав путающийся между ногами подол юбки, я метнулась в спасительную улочку, услышав за собой тяжелый бег моих несостоявшихся „поклонников“.

Без сомнения, они находились в более выгодном положении, чем я. Это был их город.

Я неслась, боясь оглянуться и увидеть тянущиеся ко мне руки преследователей. Неужели это все происходит со мной?

Но разгадку этой тайны в данную минуту мне не то, что не хотелось поручить возжелавшим меня монахам, и не потому, что я им не доверяла, а, просто, мне было некогда.

Жизнь дороже всех вместе взятых тайн на свете.

А в том, что вопрос стоял именно так, я не сомневалась. Вернее, не сомневались мои ноги, лишённые возможности думать, а, поэтому, руководимые только лишь примитивным инстинктом. Инстинктом сохранения тела, частью которого они являлись.

Домчавшись до конца улочки, я юркнула в первую попавшуюся подворотню, завершившуюся... высоченной глухой стеной.

Тупик.

Тоскливо окинула взглядом препятствие. Нет, не одолеть без альпинистского снаряжения. Ну, что же, так я им не дамся. Они вот-вот покажутся из-за поворота. Точнее ориентира, чем их бухающие шаги и прерывистое тяжелое дыхание и не придумаешь.

Схватив из усеянных здесь камней тот, что поувесистей, я приготовилась к обороне. Лучше уж так, чем на костре. Меня передернуло от мысли о моих горящих костях.

– Сюда, скорей, сюда.

Я вздрогнула. А это еще что такое?

Откуда-то сбоку ко мне протянулась чья-то рука и, дернув за подол юбки, с силой потянула в зияющий проем в прежде монолитной стене, уводящий куда-то вниз.

Я не стала сопротивляться столь невежливому обращению и немедленно приняла приглашение.

В полутьме трудно было что-то разглядеть, а, когда неизвестный мне спаситель поспешно задвинул толстую перекладину на потайной двери, тем самым прочно отгородив нас от всего остального мира, я оказалась в полной непроницаемой темноте.

Некто нащупал мою руку.

– Идите за мной.

Глава 9

Мы отошли на значительное расстояние от места нашей встречи, прежде чем я нарушила молчание:

– Кто вы? И куда вы меня ведете?

Мой спутник лишь промычал что-то невнятное и еще крепче сжал мою руку, что мне, на этот раз, совершенно не понравилось. Спасение спасением, но это не повод для сближения.

– Пока вы не объясните, куда меня ведете, я не сдвинусь с этого места, – я попыталась высвободить руку из обруча его железной хватки.

– Вы хотите остаться здесь навсегда? – в глуховатом, с хрипотцой, голосе мужчины, прозвучали нотки раздражения, – в такой темноте вы вряд ли выберетесь отсюда когда-нибудь (он еще и едва заметно картавил). Без меня, – добавил, вдруг смягчившись.

– Но..., – начала я, опасаясь не без оснований, что поспешила довериться совершенно незнакомому мне человеку, пусть даже и моему спасителю.

– Вы хотите вернуться?

Вопрос, конечно, злободневный, с точки зрения выбора ситуаций – либо быть сожженной на костре Инквизиции ни за что, ни про что, либо блуждать в темноте в каких-то катакомбах с возможным насильником или серийным убийцей. И не где-нибудь, а в средневековой Испании.

Во всяком случае, вторая ситуация оставляла хоть какую-то надежду на продление моего брэнного пути, поэтому я выбрала ее, заставив себя замолчать и послушно следовать за предполагаемым маньяком. Оставалось только удивляться, как он ориентируется в этой черноте.

Шли мы довольно долго. Я успела за это время перебрать все возможные варианты и относительно личности моего спутника, и конечной цели нашего пути, и вопроса – а, что же дальше?

– Дальше вы пойдете одна, и только вперед, никуда не сворачивая, иначе заблудитесь, – тут же прозвучал ответ, будто он подслушал мои мысли.

– Но..., – обозначенная им перспектива меня почему-то не привлекала.

– Не перебивайте, – он чуть повысил голос, – этот ход приведет вас в монастырь. Отсюда недалеко. Настоятельница – сестра Френсис. Скажете, что вы от... Пекаря.

Его лица, по известным причинам, я не видела, но почувствовала, что он улыбается.

– Она вам поможет.

Он слегка пожал мою руку и подтолкнул вперед.

– Не бойтесь. Там вас „черные“ не найдут, и там вас ждет защита. Но, помните, только вперед. Я, к сожалению, не смогу проводить вас. Да, и в этом нет необходимости. Здесь совсем рядом.

Я услышала его удаляющиеся шаги.

– Подождите. Кто такие „черные“? – меня не столько интересовало это странное слово, сколько ужасно не хотелось остаться опять одной.

Но он или не услышал меня, или не захотел ответить.

Я обреченно прислушивалась к эху его удаляющихся шагов, не решаясь двинуться с места.

Смесь из крошечной темноты и мертвой тишины добавила впечатлений, и, вместо того, чтобы продолжить путь, я присела на корточки, обхватив колени и зарывшись в юбку, как будто это могло мне как-то помочь.

Жалость к себе со страшной силой в прямом смысле обрушилась на меня водопадом слез – совершенно одна, в каком-то подземелье, с абсолютно пустой памятью, занесенная каким-то ветром в Богом забытое время...

Отплакавшись, что несколько помогло разгрузить эмоции, я решила, все-таки, за отсутствием выбора, исследовать окружающее пространство, чтобы понять, где это „вперед“, и не перепутать его с „назад“, куда мне не очень хотелось возвращаться.

Протянув руку вправо, нащупала шероховатую поверхность каменной стены. Слева ожидаемая стена не нашлась.

Через пару шагов обнаружила поворот – рука потеряла ориентир и ткнулась в пустоту.

„Вот и третий вариант моей кончины“, – я представила себя блуждающей в лабиринте подземелья, о чем предупреждал „заботливый“ незнакомец, медленно теряющей силы и...

Быстренько стерев возникшую в голове красочную картинку моей мучительной смерти, я устремилась вперед, минуя поворот.

Что бы меня ни ждало там, это было все-таки лучше того, что нарисовало мне воображение.

На тот момент, возможно от пережитого стресса, я совершенно забыла о зажигалке в сумочке.

Глава 10

Часики высветили пять часов двадцать две минуты. Вечера или утра – мне уже было все равно. Я шла, не останавливаясь, уже неизвестно сколько времени. Казалось, этому чертову коридору не будет конца. Ужасно хотелось пить. Про „есть“ я уже старалась не вспоминать.

Одолев еще какое-то расстояние, обозначенное опять же часиками в час с небольшим, я все-таки остановилась передохнуть, и, предварительно обезопасив мое девичье здоровье от возможной сырости и весьма ощутимой прохлады пола драгоценным кулем с одеждой и сумкой, превращенному на время в пуфик, присела, с удовольствием вытянув ноги. Но, облокотившись о стену, неожиданно для себя задремала.

... Ручка летит по бумаге. Я что-то торопливо записываю. Непонятный мне набор букв, выстраивающихся в какие-то слова, так же мне непонятные. Кружево слов ни о чем мне не говорит. И еще... цифры. Это я в состоянии понять, но...

Очнувшись, тут же забыла об увиденном во сне. Надо скорей отсюда выбираться.

Подобрав небогатый скарб, снова тронулась в путь. Но, не пройдя и трех шагов, вдруг уловила неясное многоголосье. Оно гудело где-то далеко сзади, а, может, впереди. Разобрать было довольно трудно из-за гулкового блуждающего эха.

Замерев, прислушалась. Неужели это те самые монахи? Ну, конечно, они обнаружили вход в это подземелье и теперь спешат по моему следу в предвкушении легкой добычи.

Я вжалась в стену, лихорадочно ища выход. Темнота, хоть глаз выколи. Ну, не стоять же на месте на самом деле. Подобрав подол, побежала, уже не разбирая, где какая из четырех сторон света.

Голоса то удалялись, то приближались. Вконец запутавшись, я тормознула, напряженно вслушиваясь. Как будто тихо. Кажется, мне удалось от них удрать. Облегченно вздохнула, но тут же спохватилась: „Интересно, чему я радуюсь? Ни еды, ни воды, ни света. С пути, кажется, сбилась. Поздравляю! От погони я ушла“.

И мой нос подсказал, куда ушла, довольно болезненно упершись в ту же шероховатую стену, едва я сдвинулась с места.

Теплая струйка крови возвестила о том, что отделалась не только ушибом. Но страшнее было другое – я попалась. В сжимающие объятия каменного мешка.

Беспорядочное тыканье в разные стороны убедило, что вокруг все та же стена.

„Господи! Нет, нет, нет. Только не это“, – я боялась сойти с ума. Мне уже было все равно – костер, пытки. Неважно. Только бы увидеть свет и людей. И, может быть, именно этот крик души вернуться к миру, пусть и давно исчезнувшему, подтолкнул меня на возобновление попыток выбраться отсюда. Как-то же я сюда забралась.

Метания увенчались успехом. Найденный узкий проход из тупика (и как я в него протиснулась прежде? Что только не сотворишь в панике!) я оценила с тем же накалом чувств, как, вероятно, и обнаруженный когда-то Колумбом путь в Новый свет. С той лишь „незначительной“ разницей, что его поиски сопровождалось наличием солнечного света и помогающей ему команды единомышленников.

Уже не отлипая от стены, двинулась вдоль нее. Но не далеко. Свалившись в голодном обмороке.

Сколько я пролежала здесь, сказать трудно. Хотя бы потому, что, придя в себя, не заметила каких-то существенных изменений ни снаружи, ни внутри меня. Только лишь пить хотелось еще больше, а тело лениво отмахивалось от призыва разума подняться и идти дальше.

Спротивление охватившему бессилию немедленно подавилось диким головокружением, потребовавшим не дергаться и лежать смирно.

Уже вновь теряя сознание, в полузабытьи успела узнать все те же буквы, настойчиво выводимые моей рукой, но...

Небытие утащило за собой.

Глава 11

– Осторожно! Да осторожней же! Не хватало ее еще и уронить. Сюда, сюда. Сестра Анна, поправьте ей руку.

Кто-то довольно небрежно приподнимает обозначенную часть моего тела и устраивает ее у меня на груди.

Я все слышу, чувствую, но почему-то не могу открыть глаза, а рот и подавно, чтобы хотя бы спросить, куда меня несут. И кто, собственно, несет. Первая мысль, что это те самые загадочные „черные“. Подсмотреть бы, но отяжелевшие веки категорически протестуют.

Мягкое убаюкивающее покачивание вновь погружает в сон: „Ну, и пусть. Какая в конце концов разница – черные, белые, хоть в крапинку. В этой темноте все равно не разберешь“.

Очередное пробуждение вызвано попыткой кого-то меня напоить. Кто-то осторожно раздвигает мне губы и каплю за каплей вливает в рот удивительно вкусную воду. Появляется дикое желание пить и пить без остановки. И не по капле. Но этот некто протирает губы чем-то мягким, и на этом „водопой“ заканчивается.

Я хочу подбодрить незнакомца: „Не стесняйтесь, продолжайте!“, но фраза всего лишь прозвучала у меня в голове. Озвучить не вышло.

Глаза словно склеили скотчем. Как, впрочем, и все тело.

Слышу чей-то равнодушный женский голос.

– Ее состояние ухудшается.

Интересно, на каком основании обладательница этого голоса сделала такой вывод? Я, напротив, чувствовала себя довольно сносно. Ну, если не брать в расчет потерю контроля над моими же конечностями.

– До утра не доживет.

Кто-то зевнул.

Это про кого „не доживет“?

– Слишком долго она там пробыла.

Щеки коснулось чье-то дыхание, не совсем аппетитно пахнущее, прямо скажем.

„Лук, какая-то приправа и... нечищенные зубы“, – составила я список ингредиентов, напрочь отбивших мне аппетит. Хотя пообедать жареной форелью я была бы не против. Да и не только форелью.

– Дыхания нет.

Кто-то наклонился еще ниже и, прижавшись к моей груди, замер в ожидании признаков сердцебиения.

– Ничего не слышу. Сестра Бенита, позовите преподобную мать Френсис. Может ее перенести вниз, в карцер?

Так это я „не доживет до утра“? И опять вниз? Да что это за издевательство?

Я, вернее, мой мятежный дух восстал, возмутившись. Но, к сожалению, только он и смог восстать. Все остальное, во что он был заключен, не то что не восстало, а, прямо наоборот, скованное абсолютной неподвижностью, представляло собой образец полного равнодушия к мятежу духа.

– Проверьте ее зрачки, сестра Анна, – этот голос тоже не внушал надежды на сочувствие.

Чьи-то пальцы приподняли мои веки, и прямо перед собой, на расстоянии считанных дюймов я уперлась во взгляд женщины лет шестидесяти с крупным в оспинах носом. Бело-черное покрывало монахини не красило это лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.